

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ПОЗНАНИЕ ПРАВА

© 2015 г. Юрий Степанович Завьялов¹,
Иван Викторович Галкин²

Актуальность вопроса

Феноменология не является однородным течением. Ее основатель Э. Гуссерль (E. Husserl 1859 – 1938) – один из видных представителей философии XX в. Развивал феноменологию в течение всей своей научной деятельности. Последователи Гуссерля не однозначны в своих взглядах. Обнаруживается расхождение между теми, кого причисляют к феноменологическому течению. Среди них: М. Хайдеггер (M. Heidegger, 1889–1976), Ж.-П. Сартр (J.-P. Sartre, 1905–1980), М. Мерло-Понти (M. Merleau-Ponty, 1908–1961). Однако Сартр при этом может считаться и экзистенциалистом. Поскольку развитие феноменологического метода происходило вокруг основных постулатов Гуссерля, то и наш анализ феноменологии обращен к гуссерлианству. Разработанная Гуссерлем доктрина феноменологии стала весомым вкладом в мировую философскую мысль и представляет собой одно из течений современной метафизики. Проблемы, затронутые Гуссерлем, трудно назвать новыми. Сам философ никогда и не скрывал факта связи своей доктрины с идеями мыслителей прошлого, таких как Р. Декарт или Г.В. Лейбниц. Кроме того, на формирование его теоретических взглядов оказали значительное влияние философские концепции Локка, Юма и Канта, логические идеи Милля, Больцано и Фреге, а также метафизические изыскания Марбургской школы неокантианства, в частности учение Наторпа. Но предложенный им подход к освещению и решению общих с ними проблем (например, определение личностью своего места в обществе) отличается от методологии его предшественников и характеризуется несомненным радикализмом.

В свою очередь, феноменология Э. Гуссерля приобрела немалое число как последователей и продолжателей, так и критиков, и интерпретато-

ров. В ряду ученых, творчески переосмысливших философское наследие Гуссерля, находим и такие выдающиеся фигуры, как М. Шелер, Н. Гартман, Р. Ингарден, Б. Вальденфельс, К. Хельд. Простое перечисление вышеупомянутых имен наглядно демонстрирует всю широту влияния идей Гуссерля на развитие современной философии.

Судьба философского наследия Э. Гуссерля в нашей стране была не столь счастливой. Короткий дореволюционный всплеск интереса к феноменологии, связанный с именами Г. Шпета, С. Франка, А. Лосева, И. Яковенко, сменился долгим периодом тенденциозной критики, замалчивания или просто неприятия и запрета данного учения, что в совокупности с отсутствием свободного доступа к первоисточникам препятствовало изучению и осмыслению феноменологии. В середине второй половины XX в. в СССР феноменология трактовалась либо как уход от анализа социально-классовых противоречий, либо как свидетельство кризиса буржуазного общества и буржуазной науки³. Идеологический плюрализм постсоветского этапа истории нашей страны сделал возможным открытое сосуществование разнообразных философских доктрин, платформ и течений, зачастую диаметрально противоположных по своему содержанию и смыслу. Такое положение вещей и привело (среди прочего) к пробуждению определенного интереса и к феноменологии, а само феноменологическое учение прочно вошло в вузовские программы по философии.

Несмотря на это философский метод Э. Гуссерля остается малоизвестным за пределами узких академических кругов, где он является интеллектуальным достоянием лишь ограниченного числа специалистов. Подобная ситуация не способствовала теоретическому осмыслению или практическому освоению разработанного Гуссерлем феноменологического способа, методологии различных научных дисциплин, препятствуя вовлечению феноменологии в орбиту их методоло-

¹ Профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.

² Преподаватель кафедры истории государства и права того же университета, кандидат юридических наук.

³ См.: Современная буржуазная философия / Под ред. А.С. Богомолова. М., 1977. С. 461–511; Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. М., 1971. С. 355–360.

гических исследований. При этом подчеркнем, что причина такой ситуации лежит не столько в косности или отсталости ученых-методологов, сколько в недостаточном количестве времени исследований в данной сфере и в определенной степени сложности и неоднозначности самого феноменологического метода. Неудивительно, что и правоведение не стало в этом исключением.

Цель, которую мы ставим перед собой, состоит в усмотрении и определении перспективы применения феноменологического метода при изучении феномена государства и права. Совокупность наук, приоритетной сферой исследования которых являются государство и право, принято называть юридическими науками, иначе – юриспруденцией, т.е. правоведением. При этом следует учитывать, что юридические науки представляют собой не однородный конгломерат правовых знаний, но скорее систему, включающую в себя и так называемые комплексные дисциплины, находящиеся на стыке различных, в том числе и неюридических, наук. К подобного рода дисциплинам традиционно причисляются криминалистика, криминология, юридическая психология, социология права, теория и история государства и права, история политических и правовых учений и, разумеется, философия права, которая “имеет своим предметом”⁴ идею права – понятия права и его осуществление. Не что иное, как философия права является тем инструментом, при посредстве которого возможно решать поставленную задачу и выяснить, в какой степени науки правового цикла заинтересованы в феноменологии как в методе постижения сущности государства и права.

В чем же следует усматривать актуальность применения феноменологического метода при постижении сущностей для юриспруденции? Само собой разумеется, ее следует усматривать не столько в малой разработанности или в эпистемологической продуктивности этого метода, но прежде всего в возможности рассмотрения правовых феноменов как “чистых” сущностей, которые даны в интенциональных (намеренных, сознательных, целевых) актах нашего сознания, направленных на познаваемый предмет. Такая гносеологическая постановка позволяет произвести акт феноменологической редукции, т.е. акт “вынесения за скобки” всех экзистенциальных аспектов постигаемого нами предмета, что открывает для нас возможность направить когнитивный акт на сущностные стороны данного восприятия предмета, познавая тем самым его чисто эссенциальные (сущностные) свойства.

Но в чем же заключается ценность правовых феноменов в сфере чистого сознания для юриста? Прежде всего феноменологическая установка интенциональности сознания позволяет осуществить нашему сознанию акт “вынесения за скобки” всего тенденциозного, эпохального, непосредственно связанного с профессиональными идеологическими либо политическими деформациями, или абберациями правосознания. “Иначе говоря, изучаются не реальные государства и право, а их идеальное отражение, возникающее в сознании исследователя”⁵. Осуществив таким образом акт феноменологической редукции, мы обращаемся к государству и праву как к феноменам, непосредственно явленным в нашем сознании, а не предзаданным или навязанным нам чьим-либо властным принуждением или государственной индоктринацией. Кроме того, обращение научной методологии к Гуссерлеву “воздержанию от суждения” позволяет избежать индоктринации – тенденциозности в освещении и исследовании актуальных проблем правоведения, способствуя их аподиктически верному (достоверному) и беспристрастному постижению ученым-юристом. Ведь не является тайной тот факт, что исследователю бывает иногда трудно в должной мере отрешиться от доминирующих воззрений или интеллектуальных стереотипов своего времени и своей среды. Хрестоматийные дефиниции провозглашают, что право есть совокупность общеобязательных норм, право – самый строгий регулятор общественных отношений и др. Отрешиться от этого трудно, но ведь за пределами этих дефиниций остается многое, не охватываемое ими. Разумеется, и феноменология не может стать абсолютным гарантом непредвзятости и объективности и исчерпывающего понимания права. Тем не менее, ясное осмысление интенциональной активности сознания, а равно и усвоение метода феноменологической редукции должны стать подспорьем в исследовательской деятельности, результатом которой могут явиться выводы как дискурсивного, так и эвристического характера. Решению поставленной задачи предпосылаем краткое изложение сути феноменологического метода.

Феноменологический метод. Основные положения

Р. Декарт полагал, что если отбросить “все то, в чем так или иначе мы можем сомневаться, и даже предполагая все это ложным, мы легко допустим,

⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия и право. М., 2007. С. 47.

⁵ Жуков В.Н. Методология теории государства и права // Теория государства и права / Под ред. О.В. Мартышина. М., 2007. С. 37.

что нет ни Бога, ни неба, ни земли и что даже у нас самих нет тела, — но мы все-таки не можем предполагать, что мы не существуем, в то время как сомневаемся в истинности всех этих вещей”⁶. Такое конструктивное сомнение, ставшее отправным пунктом всей науки и философии Нового времени, позволило познающему субъекту “никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью, иначе говоря, тщательно избегать опрометчивости и предвзятости и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать их сомнению”⁷.

Знаменитое Декартово “сомнение” парадоксальным образом не только не пошатнуло основ научного знания, а напротив, наряду с “Новым Органоном” Ф. Бэкона оно стало краеугольным камнем новой европейской науки, вооружив ее мощным когнитивным методом. Поступательное развитие процесса познания привело как к колоссальному росту объема научных знаний, с одной стороны, так и к качественному усложнению методологии науки, под влиянием позитивизма переставшей быть прерогативой одной только философии, — с другой. Философской заслугой Э. Гуссерля следует считать его попытку вернуть методологию на почву чисто метафизического умозрения, что было сознательной и выстраданной позицией мыслителя, вызванной засильем в его эпоху материалистских, позитивистских и психологических подходов к теории познания. Симптоматичен уже сам факт обращения философа от исследования проблем в сфере математической логики к основе основ новоевропейской науки — к “картезианским размышлениям” о методе познания. Но было бы грубой ошибкой считать феноменологию Гуссерля лишь модифицированным вариантом методологии Декарта. Более того, между Декартовым и Гуссерлевым методами лежит коренное различие: если Декартово сомнение было по своей природе *par excellence* экзистенциальным, то Гуссерлево *epoché* (эпохе) становится сугубо эссенциальным. «Философу, — пишет Гуссерль, — недостаточно того, что мы ориентируемся в мире, что мы имеем законы как формулы, по которым мы можем предсказывать будущее течение вещей и восстанавливать прошедшее. Он хочет привести в ясность, что такое по существу “вещи”, “события”, “законы природы” и т.п. И если наука строит теории для систематического осуществления своих проблем, то философ спра-

шивает, в чем сущность теории, что вообще делает возможной теорию, и т.п. Лишь философское исследование дополняет научные работы естествоиспытателя и математика и завершает чистое и подлинное теоретическое знание»⁸. Остановимся на этом различии подробнее.

Со времен Боэция в философии четко проводится различие субстанциональных сфер существования (экзистенции) и сущности (эссенции). При этом о бытийствовании или небытийствовании чего-либо мы узнаем из опыта, а сущность выражается только в умопостигаемом понятии⁹. Будучи рационалистом, Декарт усматривает критерий истинности результатов научного исследования в интуициях познающего разума, но, не сумев последовательно довести ход своих размышлений до логического завершения, он останавливается на полпути, посчитав, что опыт тем более необходим, чем дальше мы продвигаемся в познании. “Таким образом, в зависимости от большей или меньшей возможности производить опыт, я буду быстрее или медленнее продвигаться вперед в деле познания природы”¹⁰. Бессмертное Декартово “*cogito, ergo sum*” лишь ясно и отчетливо констатирует экзистенциальный факт моего существования, то, что “я есмь”, но оно ни на йоту не приближает меня к постижению моей сущности, т.е. сущности “чистого я” трансцендентального субъекта. “В этом Декарт ошибся, и получается, что, подойдя к величайшему из всех открытий, некоторым образом уже совершив его, он все же не постиг его подлинного смысла — смысла трансцендентальной субъективности и, таким образом, не переступил порога подлинной трансцендентальной философии”¹¹. Само собой разумеется, что это ни в коем случае не следует рассматривать как философское упущение мыслителя, но лишь как эпохальную ограниченность, отразившуюся на невозможности четкой дифференциации сфер экзистенциального и эссенциального, тем более что Декартово сомнение послужило прочным методологическим основанием современной философии, так как “понимание побуждений философии Нового времени, начиная с Декарта и кончая нашими днями, при всей своей противоречивости все же единых впервые достигается лишь при постижении современности”¹².

⁸ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1. СПб., 1907. С. 222.

⁹ См.: Сумерки Богов. М., 1990. Разд. “Ж.П. Сартр. Экзистенциализм — это гуманизм”. С. 310–345.

¹⁰ Декарт Р. Указ. соч. С. 307.

¹¹ Гуссерль Э. Картезианские размышления. М., 2000. С. 352.

¹² Гуссерль Э. Кризис европейских наук. М., 2000. С. 558.

⁶ Декарт Р. Избр. произв. М., 1950. С. 428.

⁷ Там же. С. 272.

Э. Гуссерль, опираясь на впечатляющие философские достижения Нового времени, довольно рано поставил перед собой задачу изыскания окончательно достоверного, аподиктически очевидного основания познавательной деятельности субъекта. Посчитав вслед за Декартом *egocogito* исходным пунктом своих исследований, Гуссерль делает решительный поворот к трансцендентальной субъективности, отвергая тем самым эмпиризм как абсолютный критерий достоверности знания. Столь смелый шаг был, видимо, продиктован желанием мыслителя отойти от тех крайностей позитивизма, которые завели современную ему философскую науку в тупик релятивизма и скептицизма. Размышляя об исторических путях философии, Э. Гуссерль утверждал, что она еще и не начинала формироваться как аподиктическое знание, подобное точным наукам, и именно феноменология призвана стать философской дисциплиной, способной это совершить. Именно поэтому острие его критики направлено в “адрес психологизма и историцизма; оба течения пытаются, по Гуссерлю, обосновать свою якобы абсолютную ценность на том, что этой ценностью не обладает, – на фактах”¹³. Найти критерий истины в самом себе, в созерцаниях собственного сознания, а не в эмпирическом факте – вот важнейшая интуиция мыслителя, ставшая исходной точкой всей феноменологии. Утверждая эссенциальную природу феноменологии, Гуссерль подчеркивал, что «чистая, или трансцендентальная, феноменология получит свое обоснование не как наука о фактах, но как наука о сущностях (как наука эйдетическая), как наука, которая намерена констатировать исключительно “познание сущности” – никакие не факты»¹⁴. Полагая созерцание важнейшим инструментом постижения сущности, Э. Гуссерль говорит о том, что такое сущностное созерцание не имеет никаких точек соприкосновения с эмпирическим познанием в смысле восприятия, воспоминания и иных психических актов. Отвергая возможность постижения сущности эмпирическим методом познания, он отвергает и противоположную возможность постижения существования при помощи созерцания, отмечая, что таковое “не имеет ничего общего с эмпирическим обобщением, которое экзистенциально сопоставляет в своем смысле индивидуальное существование опытных отдельностей. Созерцание созерцает сущность как сущностное бытие и не созерцает, и не полагает ни в каком

смысле существование”¹⁵. Рассматривая чистую феноменологию как метод познания, чуждый эмпирическому исследованию природы, как метод непосредственного, эйдетического постижения явлений, Гуссерль приходит к мысли о том, что феномен, как таковой, не имеет природы, а имеет только сущность. Традиционный философский дуализм сущности и явления получает в феноменологии, таким образом, новый импульс к развитию: Э. Гуссерль и его последователи стали рассматривать явление “как само обнаруживающееся бытие, а сущность – как чисто идеальное образование”¹⁶.

Несмотря на явные точки пересечения с противопоставлением И. Кантом ноуменального бытия феноменальному миру, новизна феноменологии усматривается уже в том, что становится принципиально возможным постижение сущности, а следовательно, найден способ преодоления и кантовского агностицизма в познании “вещей самих по себе”. Но феноменологическое постижение сущности, конечной целью которого должно быть познание сферы чистого духа, никогда не сможет стать подобием эмпирическому исследованию: ни по методам, ни по результатам. Гуссерль резко скептически относится к возможности появления объективной науки о духе, поскольку “дух существует в себе самом и для себя самого независим, и в этой независимости, и только в ней, может изучаться истинно рационально, истинно и изначально научно”¹⁷. Феноменология в понимании философа – это прежде всего метод определения смысловых структур сознания и предметностей, осуществляемый в процессе “вынесения за скобки”, т.е. феноменологической редукции как экзистенциального факта наличия либо отсутствия предмета, так и психической деятельности, направленной на предмет сознания. Он был совершенно уверен в том, что только постижение сущности может стать прочным фундаментом для аподиктического знания, и именно поэтому, подобно И. Фихте, называл свой феноменологический метод “*Wissenschaftslehre*”.

Рассмотрим теперь основные аспекты феноменологического метода детальнее. Известный философ и психолог, учитель Гуссерля Ф. Brentano выдвинул в свое время весьма продуктивную идею интенциональности сознания, суть которой заключается в том, что всякий акт человеческого

¹³ Философский словарь. М., 2002. С. 80.

¹⁴ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. М., 2009. С. 20.

¹⁵ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. М., 2000. С. 707.

¹⁶ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 665.

¹⁷ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества. М., 2000. С. 663.

сознания интенционален, т.е. направлен на что-нибудь. Э. Гуссерль, не разделявший психологических воззрений своего учителя, по-своему интерпретировал и широко использовал в дальнейшем его положение об интенциональности сознания, ставшее одним из фундаментальных принципов феноменологии. Таким образом, мыслитель полагал, что всякий акт сознания направлен на какой-либо объект, а в свою очередь сам объект имплицитно входит в содержание этого акта, но не в качестве предмета физического мира, а в качестве особого, интенционального объекта. Интенциональный акт сознания позволяет постигать любой объект “как то, что он есть, т.е. именно так и не иначе, как он разумеется в этом познании: как носитель этих качеств, как член этих отношений и т.п.”¹⁸.

Полагая интенциональность фундаментальной характеристикой всякого сознания, Э. Гуссерль подчеркивал, что любое сознание есть “сознание о”, т.е. оно существует лишь как акт полагания предметов, как акт осознания иного, а не как осознание собственных актов сознания. Поэтому наше сознание трактуется философом как амбивалентное, где один его аспект – это сама направленность его актов, их интенция, а другой аспект – это содержание данной направленности, т.е. объекты, на которые направлены эти акты сознания; акт полагания объекта получил у Гуссерля наименование “ноэсис”, или “ноэза”, а неразрывно с ним полагаемый объект – “ноэма”. При этом и ноэма, и ноэсис являются сложными, структурированными образованиями, состоящими из находящихся в отношении комплементарности компонентов. В ноэме ученый выделяет так называемое “ядро” и окружающие его периферийные слои, причем ядром является сам объект, “схваченный” в конкретном интенциональном акте сознания субъекта. «Благодаря этому мы замечаем, что в пределах полной ноэмы мы должны на деле, как мы и предупреждали об этом уже заранее, разделять сущностно различные слои, группирующиеся вокруг центрального “ядра”, чисто “предметного смысла”, т.е. вокруг того, что в наших примерах может описываться сплошь в одних и тех же выражениях, поскольку различные по виду, но параллельные друг другу переживания могут заключать в себе тождественное»¹⁹. С ядром ноэмы коррелируют в ноэсисе те интуиции, при посредстве которых объект дается сознанию, т.е. чувственное восприятие, воображение, а главное – усмотрение

сущности; тогда коррелятом периферийного слоя ноэмы будут в ноэсисе слои суждения, слой воли, слой желания и т. п. Интенциональный объект как объект суждения, как объект желания, как объект воли – таковы те слои ноэмы, которые соответствуют перечисленным интенциям сознания, входящим в ноэсис.

В более поздний период своего творчества Э. Гуссерль предпочитает говорить не о ноэсисе или ноэме, а о “*cogito*” и “*cogitatum*” как о понятиях близких, но не тождественных первым: “Каждое *cogito*, или, иначе, каждое протекающее в сознании переживание полагает некий предмет и, таким образом, имеет в себе самом как положенное то или иное свое *cogitatum*, причем каждое *cogito* делает это по-своему”²⁰. Именно так, используя традиционную Декартову терминологию, но на новом витке в развитии познания, Гуссерль осмысливает проблему интенциональности сознания и подчеркивает тем самым связь своей феноменологической концепции с предшествующими системами метафизики.

Не следует забывать, что основной целью всех этих непростых интеллектуальных операций является возможность получения аподиктически очевидного знания: в этом и заключается философский смысл разработанного Э. Гуссерлем метода феноменологической редукции. Суть последней состоит в осуществлении так называемого *ἐποχή* (эпохе – этим греческим словом Гуссерль обозначает акт воздержания от какого-либо суждения), при посредстве которого следует поочередно вынести за скобки все классы объектов, существование которых возможно подвергнуть сомнению. После проведения этой процедуры необходимо посмотреть, не осталось ли что-либо “в скобках”, т.е. не обнаружилось ли нечто такое, в существовании чего усомниться невозможно, при этом существование того, что выносится за скобки, не отрицается, а лишь подвергается сомнению. Таким образом, “за скобками” оказывается весь природный мир, животные и люди как естественные существа, и в конце концов акту “выключения” подвергается и трансцендентное существование самого Бога. Но что же все-таки остается в результате проведения акта феноменологической редукции? Остается трансцендентальное “чистое я”, уже освобожденное от привходящей экзистенции “выключенного” универсума и ставшее “чем-то принципиально необходимым, чем-то абсолютно тождественным и при любой действительной и возможной смене переживания, а пото-

¹⁸ Гуссерль Э. Логические исследования. М., 2000. С. 260.

¹⁹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. С. 292.

²⁰ Гуссерль Э. Картезианские размышления. С. 362.

му ни в каком смысле не может считаться реальной частью или моментом самих переживаний”²¹. Следовательно, феноменологическая редукция оказывается трансцендентальной, а “чистое *его*” становится трансцендентальным субъектом, который только один и обладает аподиктически очевидным существованием. Трансцендентальный субъект, в отличие от субъекта эмпирического, – “субъект вообще, или идеальный субъект, наделяется абсолютными свойствами, предстает в воображении исследователя как наблюдающее сознание вообще, не ошибающееся, не заблуждающееся, мыслящее всегда правильно, это непсихологический, идеально мыслящий феномен, которого нет в природе”²².

Э. Гуссерль полагал, что не только феноменологическая редукция позволяет достичь аподиктически очевидного знания, но и непосредственное, интуитивное созерцание “чистой сущности”, или *эйдоса*, который сам есть данное в созерцании или доступное созерцанию “всеобщее”, не обусловленное никаким эмпирическим фактом. *Эйдос*, предшествуя всем понятиям, значениям слов, сам участвует в генезисе этих значений как чистых, априорных понятий, конструируемых в соответствии с ним. Философ размышляет о необходимости *эйдетической феноменологии*, предметом исследования которой будет универсальное *a priori*, без которого “немыслимо существование любого трансцендентального *“его”*”, и именно поэтому наряду с феноменологической редукцией *эйдетическая интуиция* является основной формой всех особых трансцендентальных методов, и что вместе они полностью определяют подлинный смысл трансцендентальной феноменологии”²³. В этом пункте Гуссерль заканчивает свои изыскания аподиктического основания познавательной функции субъекта и находит его в деятельности трансцендентального “чистого *я*”, погруженного отныне в мир интенциональных объектов, т.е. феноменов.

Тем не менее здесь возникает серьезная проблема отчуждения трансцендентального субъекта от универсума подобных ему “чистых *я*”, так как становится реальной опасностью солипсизма. Выход из этого затруднения мыслитель усматривает в выдвинутой им идее *интерсубъективности*, оказавшей сильное влияние на развитие современной метафизической философии и воспринятой философией права. Смысл самой идеи состоит в

том, что после завершения исследования трансцендентального “*его*” должно обратиться к феноменам, находящимся вне сферы “чистого *я*”. Здесь Э. Гуссерль прибегает к процедуре “удвоения” психофизической структуры “*его*”, что следует связывать с фактом наличия другого “*его*”, психофизическая структура которого подобна моей. В момент встречи с другим трансцендентальным “*его*” оно не может быть мне дано в восприятии непосредственно, а дается только опосредованно, через восприятие его действий. Механизмом такого рода восприятия, позволяющим уяснить психофизическую структуру иного “чистого *я*”, призвана стать так называемая *анализирующая апперцепция* (*аппрезентация*), которая убеждает меня в существовании других трансцендентальных субъектов. Таков здесь первый шаг к преодолению отчуждения между трансцендентальными субъектами.

Следующим шагом становится введение в систему трансцендентальной феноменологии понятия “*жизненный мир*”, которое призвано объединить все “чистые *я*” в сфере фундаментальных очевидностей, непосредственно окружающих нас в течение времени нашего бытия. Жизнь трансцендентального субъекта протекает внутри “*жизненного мира*”, где и происходит развёртывание бытия его “*его*” выступающим здесь субстратом определенных особенностей и характеристик, претерпевающих развитие и изменение в имманентной ему темпоральности. Для обозначения такого взятого во всей совокупности своих свойств “*его*” Гуссерль прибегает к Лейбницеvu понятию *монады*. Таким образом, “*жизненный мир*” – это мир развёртывающих свое бытие *монад*, конституирующий данное сообщество *монад* в единый универсум, а значит, “*мы*” становится “*субъективностью* для этого мира, а также для мира людей, в форме которого она объективно осуществила сама себя”²⁴. *Интерсубъективность* есть условие возможности мира, как и условие объективности всякого познания, которое в “*жизненном мире*” из субъективного превращается в принадлежащее всем, а объективное превращается в описание превращения мнения в знание, субъективного в объективное, частного в общезначимое. Включением в концепцию феноменологии понятий *интерсубъективности* и “*жизненного мира*”, призванных стать защитой от солипсизма феноменологической редукции, Э. Гуссерль завершает построение своей системы трансцендентальной феноменологии, целью которой было стать надежным инструментом по-

²¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. С. 178.

²² Бучило Н.Ф., Исаев И.А. История и философия науки. М., 2009. С. 276.

²³ Гуссерль Э. Картезианские размышления. С. 412.

²⁴ Там же. С. 456.

лучения методологически несомненного, аподиктически очевидного знания о мире и бытии.

О границах феноменологического метода в правоведении

Как мы уже изложили, философия права может стать той правовой дисциплиной (в кругу прочих юридических наук), которая способна прояснить возможности использования феноменологического метода в правоведении. Российский философ права В.С. Нерсисянц полагал, что философия права “занимается исследованием смысла права, его сущности и понятия, его оснований и места в мире, его ценности и значимости, его роли в жизни человека, общества и государства, в судьбах народов и человечества”²⁵. Именно философию права должно рассматривать как высший уровень познания права с ее высокой степенью абстракции, обобщения, несвязанностью с действующей правовой системой. Она становится поэтому важнейшим ключом к правопониманию как к процессу и результату целеустремленной умственной деятельности человека, направленной на познание права, его восприятие и оценку как важнейшего социального регулятора²⁶. Подчеркнем, что в философии права наличествуют как социально-юридический, так и метафизический аспекты²⁷. Социально-юридический аспект позволяет определить место права в жизни общества, его связь с другими социальными феноменами, дает возможность познать его специфику и границы; метафизический аспект философии права способствует уяснению сущности и назначения права и определению критериев оценки правовых феноменов. Думается, что именно метафизический аспект дисциплины способен стать приоритетной сферой приложения феноменологического метода, ибо, как уже было показано выше, этот метод направлен на постижение сущностных свойств

предмета, который становится интенциональным объектом для познающего его субъекта.

Рассмотрим теперь конкретные возможности применения ряда феноменологических процедур в правоведении, для чего нам надлежит обратиться к методологии как к базовой философской дисциплине. Согласно мнению Д. Керимова методологией права в собственном смысле следует считать наиболее общий, философский уровень правоведения – методологию философии права. Она представляет собой систематизированную совокупность познавательных средств, позволяющих исследовать многогранную правовую реальность в ее многообразных связях с иными сферами общественной жизни, а также теоретическую рефлексию таких средств. В свою очередь, в рамках общей методологии правоведения, или в методологии познания права, следует выделить философский и научный уровни, каждый из которых направлен на решение своих особых задач. Если научный уровень методологии правоведения представляет собой систему принципов и методов теоретического и эмпирического познания права, то философский уровень есть совокупность мировоззренческих идей и ценностных установок, находящихся свое воплощение в том или ином способе осмысления права, т.е. типе правопонимания. Благодаря этому методология права представляет собой общенаучный феномен, объединяющий всю совокупность принципов, средств и методов познания (мировоззрение, философские методы познания и учения о них, обще- и частнонаучные понятия и методы), выработанных всеми общественными науками, в том числе и комплексом юридических наук, и применяемых в процессе познания специфики правовой действительности, ее практического преобразования²⁸. Помимо прочего в данной дефиниции подчеркивается и мысль о том, что методология правоведения в одинаковой степени приложима как к теоретическому, так и к эмпирическому аспекту познания права, делая доступным глубокое и всестороннее исследование правовых феноменов.

После предварительного уяснения базовых философских оснований методологии правовой науки становится возможным и определение конкретной сферы приложения феноменологического метода в юриспруденции. Прежде всего отметим, что Э. Гуссерль отвергал всякую возможность постижения сущности чего-либо посредством эмпирического исследования; подобное положение вещей резко ограничивает возможность прак-

²⁵ Нерсисянц В.С. Философия права. М., 1998. С. 7.

²⁶ См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 221.

²⁷ Интересно на второй счет суждение проф. И.А. Исаева: «Правосознание не может совпадать с понятием “нормативного факта”, а следовательно, быть источником права (когда утверждается обратное, то под источником чаще всего понимают не “нормативный факт”, но собственно сознание, которое вообще не является фактом в историческо-временном смысле). Зато воплощенным результатом действия правосознания оказывается этос, который не является продуктом произвольных культур или политических действий, не создается договорами и соглашениями, но возникает как результат органического и длительного роста» (см.: Исаев И.А. Идея порядка в консервативной ретроспективе. М., 2011. С. 275).

²⁸ См.: Керимов Д.А. Методология права (Предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 21–55.

тического использования феноменологического метода, возвращая наши изыскания на почву чисто теоретического умозрения. Такая методологическая ограниченность феноменологии, хотя и сужает область ее применения, вместе с тем помогает сфокусировать все внимание субъекта познания на сущностных сторонах правовых явлений. Используя феноменологическую терминологию Гуссерля, право можно охарактеризовать как некий конструкт “жизненного мира”, как правовой “регион” внутри сферы его социального бытия. “Любой регион предоставляет руководящую нить для особой, замкнутой группы исследований”²⁹, — утверждает Э. Гуссерль, выходя здесь на проблему всеобщего конституирования предметностей региона “право” в трансцендентальном сознании, или, проще говоря, феноменологического конституирования права вообще.

Трансцендентальный субъект в свою очередь обладает рядом определенных характеристик, важнейшей из которых следует признать феноменологическое понятие интенциональности сознания, которое всегда направлено на какой-либо объект. К примеру, феноменология дает достаточно логичное обоснование монистической теории единого объекта правоотношения, поскольку только лицо может быть носителем интенциональной активности сознания, а значит, его и следует признать единственным объектом прав и обязанностей, обладающим способностью реагировать на правовое воздействие. Вследствие этого любые материальные либо нематериальные блага, разного рода услуги и их результаты, продукты творчества, ценные бумаги и официальные документы превращаются здесь в ядро ноэмы, а акт восприятия данных благ тем или иным субъектом, его суждение о них, желание ими овладеть — это ноэсис. Таким образом, объект правоотношений дается в правосознании субъекта, вступающего в правовое взаимодействие, как интенциональный объект внутри региона “право”.

Кстати, несмотря на сугубо отрицательное суждение самого Гуссерля, понятие интенциональности сознания может быть и практически использовано в сфере юриспруденции, в частности в правоприменительной деятельности. Общеизвестно, что опытный следователь нередко бывает и неплохим физиономистом, интуитивно осознающим как определенные особенности психофизического статуса индивида, так и жизненную необходимость дифференцированного подхода ко всем лицам, проходящим по тому или

иному делу. Такое интуитивное, априорное знание о чем-либо определяется Э. Гуссерлем как знание эйдетическое, позволяющее непосредственно усматривать сущность любого предмета, не прибегая при этом к эмпирическим исследованиям. Разумеется, здесь невозможно утверждать абсолютную точность и достоверность эйдетического усмотрения, но это нисколько не умаляет его познавательной ценности. Любое человеческое существо безмерно сложно, и постижение его сущности просто не может быть ограничено познанием индивида только как эмпирического объекта, но должно включать в себя и осмысление высшего, духовного аспекта личности, или, по-другому говоря, его эйдоса. Эйдетическая интуиция дает возможность уразумения не отдельных, разрозненных фактов о действиях или поступках того или иного лица, но позволяет приблизиться к познанию самой жизни как непрерывной временной длительности личного бытия трансцендентального субъекта внутри “жизненного мира”. По сути, эйдетическое познание может иметь сколь угодно широкий круг использования, особенно если исследователь имеет дело с явлениями повседневности, а не с теоретическими абстракциями.

В последнем случае большую пользу может принести метод феноменологической редукции, каковой есть высшее достижение Э. Гуссерля в области методологии. Этот метод помогает исследователю осуществить в результате произведенного феноменологического *ἐποχή* (эпохе) “выключение” или “выведение за скобки” всего привходящего в сознание в процессе познавательной или психической деятельности субъекта. Использование феноменологической редукции в юриспруденции может привести исследователя к небезынтересным научным выводам. В частности, если сделать предметом рассмотрения сущность базового юридического понятия “право”, прибегнув для этого к методу феноменологической редукции, то неожиданным образом мы приходим к выводам, близким нормативизму, т.е. юридическому позитивизму — направлению, диаметрально противоположному правовой метафизике. Осуществив акт феноменологической редукции, мы обнаруживаем в нашем сознании эйдос “чистого” права, освобожденный от привходящего компонента психических переживаний субъекта, в том числе и от переживаний политического, идеологического или этического порядка, и ставший интенциональным объектом для трансцендентального “ego”. Правовой эйдос выражает априорные структуры региона “право”, которые познающий субъект открывает в своем сознании путем выявления сущности право-

²⁹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. С. 460.

вых норм, институтов, отраслей, отношений и т.п. Однако, как мы помним, именно требование очистить юриспруденцию подвигло Г. Кельзена на разработку своего “чистого учения о праве”, которое и должно было освободить правоведение от всех чуждых ему элементов. Полагая, что его “чистое учение о праве” есть наука о сущем, а не должном, Кельзен излагает ее существо следующим образом: “Она стремится ответить на вопросы, чем является право и как оно существует, но не на вопросы, каким оно должно быть или создаваться. Она есть правоведение, но не политика права”³⁰.

Тем не менее такое видимое сходство результатов феноменологических и нормативистских изысканий не должно вводить нас в заблуждение: на самом деле это тождество лишь кажущееся. Действительно, онтологический статус феномена “право” в феноменологии Э. Гуссерля и нормативизме Г. Кельзена абсолютно различен. Если нормативизм рассматривает право как реально существующую совокупность норм, установленных чьей-либо властной волей, то для феноменологии право есть интенциональный объект, данный только в сознании трансцендентального субъекта. Иначе говоря, феноменологический метод позволяет уяснить эссенциальный аспект феномена “право”, а нормативистский подход дает возможность осветить его экзистенциальную сторону. Нормативизм “очищает” юриспруденцию от суперпозитивных сущностей, феноменология “выводит за скобки” само его существование, для того чтобы постигнуть таким образом его сущность; тем знаменательнее общность интенций совершенно неодинаковых исследовательских подходов, желающих достичь достоверного и фундаментального знания о правовых феноменах. Главное, что объединяет столь разные подходы к правопониманию, – это попытка найти принципиальное обоснование всей системы права, т.е. найти такую правовую субстанцию, которая не зависит от политической конъюнктуры или исторического контекста конкретных общественных явлений. Пусть феноменология видит эту субстанцию в эйдосе права, а нормативизм – в основной норме. Очевидно, что оба эти подхода доказывают полную валидность своего использования в правовых исследованиях.

Еще одним важным компонентом феноменологического учения Э. Гуссерля стала выдвинутая им идея интерсубъективности, призванная снять отчуждение, возникающее между трансценден-

тальными “я” в результате произведенного акта феноменологической редукции. Под термином “интерсубъективность” в феноменологии понимают процесс и результат взаимодействия субъектов через интенциональности их сознаний, открывающих человеку мир другого “я”. Концепция интерсубъективности оказалась весьма плодотворной, находя применение помимо прочего и в юриспруденции, где она старается преодолеть характерное для классической философии права отчуждающее противопоставление объекта и субъекта, сфер сущего и должного. Принцип правовой интерсубъективности означает, что смысл права не растворяется в сознании одного субъекта или во внешнем общественном мире, но раскрывается во взаимодействии или коммуникации двух и более лиц. Этому обстоятельству при изложении своего понимания права придавал большое значение русский ученый Л.И. Петражицкий. Во-первых, Л.И. Петражицкий выделял интуитивное право, а также, во-вторых, определял появление права в рамках императивно-атрибутивных эмоций³¹. Тем самым интерсубъективный подход в качестве основного элемента правовой действительности рассматривает правовые отношения, а основной конструкцией правопонимания здесь оказывается нормативный договор, который предполагает участие двух и более лиц, наделенных корреспондирующими правами и обязанностями и вступающих во взаимодействие в процессе правового общения.

Следует заметить, что интерсубъективность выявляет высокую ценность межличностных отношений, необходимых, поскольку “отношение, – утверждал Гегель, – есть определенный, совершенно всеобщий способ явления. Все, что существует, находится в отношении, и это отношение есть истина всякого существования”³². Коммуникативный подход в современной философии права основан на дискурсе, т.е. обсуждении всех проблем в интерсубъективной сфере путем образования общественного пространства для дискуссии, важнейшим юридическим выражением которого становится, как полагает французский философ П. Рикер, процедура судопроизводства. “Итогом судебного процесса – сложного языкового взаимодействия, управляемого процедурными правилами, обеспечивающими требуемую честность проведения процесса, – должно

³¹ См.: Азаркин Н.М. Психологическая школа права. Л.И. Петражицкий // История политических и правовых учений / Под ред. О.В. Мартышина. Ч. 3. М., 2012. С. 242–247.

³² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1975. С. 301.

³⁰ Кельзен Г. Чистое учение о праве. Вып. 1. М., 1987. С. 7.

быть произнесение слова справедливости”, – подчеркивал мыслитель. В рамках феноменологического подхода справедливость в качестве одного из оснований права рассматривается как форма человеческого сосуществования, способ со-бытия с другими “я”³³. А высший критерий справедливости должно усматривать тогда в бытии “жизненного мира” как области свободной самореализации человеческой личности. Таковы некоторые соображения о возможности применения феноменологического метода в правоведении.

Заключение

Не вступая в многовековые споры между представителями рационализма и эмпиризма и стараясь оставаться (насколько было возможно) непредвзятыми, нами сделана попытка осветить, изложить и интерпретировать некоторые аспекты феноменологического метода Э. Гуссерля. Разумеется, легко призывать к поиску золотой середины между крайностями рационализма и эмпиризма в изучении действительности, но зададим себе вопрос: всегда ли средний путь является наиболее полезным и плодотворным? Вспомним, что в нашем представлении именно крайние понятия наиболее яркие и информативны, неся в себе самые очевидные и достоверные сведения о внешнем или внутреннем мире личности. Примем во внимание и тот поразительный факт, что во множестве парных контрастных понятий отсутствует самостоятельное определение “среднего состояния”. Так, например, в понятийных парах “великое и малое”, “слабое и сильное”, “старое и молодое”, “плохое и хорошее” промежуточное состояние, или качество, обозначается одним общим понятием среднего. Возможно, это связано с тем, что природа как диалектически развертывающийся процесс бытия не может сколь угодно долго оставаться в некоем среднем, “теплом” состоянии, от мнимого блага которого нас остерегал еще Апокалипсис, но необходимо должна двигаться к крайним своим состояниям, никогда не доходя до их предела, поддерживая целостность и прочность своего существования. Таким образом, среднее состояние есть лишь временная остановка между крайними точками процесса, а феноменология Гуссерля – такое же вечное приближение к крайнему пункту рационализма, как, к примеру, сенсуализм Кондильяка – к крайнему положению эмпиризма. Да и диалектик Гегель понимал *Aufhebung* не как статичное “среднее состояние” умиротворенности бытия, но лишь как временное, противоречивое единство

в вечной борьбе противоположностей, взаимно уничтожающих себя.

Учитывая изложенное, сформулируем:

1. Наибольшую пользу от применения феноменологического метода должны получить теоретические дисциплины юридического цикла наук, т.е. такие дисциплины, которые тесно связаны с философским умозрением. К ним относятся в первую очередь философия права, теория государства и права, история политических и правовых учений, социология права, криминология и т.п. Широкое применение феноменологического метода отраслевыми науками является проблематичным в силу сложности и малой продуктивности этого метода в практической сфере, что является следствием сознательного ухода Э. Гуссерля, в частности, и феноменологии в целом от фактического обоснования реальности.

2. Идея интенциональности сознания имеет общеметодологическое значение. Интенциональность сознания означает придание смысла предмету при постижении различий предмета и смысла и может найти самое широкое применение в юриспруденции. С ее помощью следовало бы проанализировать ряд проблем юридической науки, что должно открыть довольно широкое поле для феноменологических изысканий в правоведении.

3. Наиболее широкое использование в ряду феноменологических процедур, на наш взгляд, может иметь эйдетическое познание, которое возможно использовать не только в теоретической сфере правоведения, но и в юридической практике правоприменителей, особенно когда возникает проблема соотношений между *jus* и *lex*, между нормой права и моралью.

4. Метод феноменологической редукции, самый мощный и последовательно разработанный Э. Гуссерлем, имеет огромную философскую ценность, но при этом вряд ли может быть широко использован в какой-либо конкретной науке, поскольку является в большой степени абстрактным. Тем не менее, любая наука, обладающая высоким философским уровнем постижения своего предмета, может обратиться к феноменологическому методу с целью проверки своих исследовательских результатов.

5. Гуссерлева идея интерсубъективности широко востребована науками гуманитарного цикла, в том числе и философией права. Это связано с тем, что в рамках такого подхода сделаны попытки преодоления односторонне субъективных моментов в осмыслении правовой действительности.

³³ Рикер П. Справедливое. М., 2005. С. 264.

Необходимо исследование феноменологией коммуникативных оснований правовой реальности, углубление постижения путей и условий должного правового общения, среди которых можно видеть обеспечение реализации принципов автономии личности, прав и свобод человека и гражданина, воплощение в жизнь правовых идей, прежде всего идей справедливости, равенства перед законом и, разумеется, общего блага, непрерывно обновляющихся и постоянно находящих новые формы для вечного содержания человеческого бытия.

6. В свете гуссерлианской феноменологической методологии можно и нужно по-иному воспринимать правовой нигилизм. Он может быть воспринят не только как отрицательное, неуважительное отношение к праву, но и как сигнал правотворческим органам к изменению и модернизации действующих норм права³⁴.

³⁴ См.: *Завьялов Ю.С.* Правовая культура и пути её изучения // *Гос. и право.* 2013. № 10. С. 103–105.